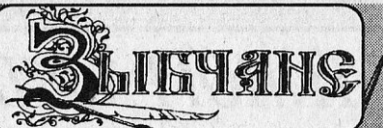

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Н. Щипанина

Шелест внезапных, как тихое ветра касанье,
Ясных, как неба клочок среди толпища туч,
Слов и предчувствий далеких (земному ль?): «Осанна!»
Слышен не уху. Негромко, печален, летуч...

Ото всего, что зовется земным тяготеньем,
Не оторваться: так связь непомерно легка —
Даже прозрачной не бросит на зримое тени,
Даже не взвесит, поднявшись безвольной, рука.

Чей-нибудь взгляд, удивлением не утолненный,
Возглас: «О Господи!» и недосказанность: душу спаси
От суеты, от неверия быть окрыленным,
Ото всего, что чужим разбрелось по Руси.

Чей-нибудь взгляд остановит, и лишь на мгновенье
В нем полыхнет, как пожаром, доверчиво детская синь,
Не подлежит ни слепому забвенью, ни тленью.
Господи! Есть чистота на святой и забитой Руси!

Вот потому от неясных еще ожиданий
Невероятного, как избавленья от бед,
Кажется легким в грядущем любое страданье,
Кажется, что и святее страдания нет.

В. Корытню

О. В. Коровикову посвящаю

Ступеней возраста и минусы, и плюсы
Нам запоздало с расстояния видны.
Юнец, пока еще совсем безусый,
Не замечает быстроты весны.
У молодости чувства бьют фонтаном,
Мечты уносят ввысь, играет кровь.
И жадно пьет она искристый мед обмана
Напиток под названием Любовь.
С годами остывает жар сердечный.
Под пеплом от костра надежд и грез
Видны орехи юности беспечной
И острые шипы в букете нежных роз.
Все, что цвело и в соках ярких рдело,
Лишь в памяти былой красы черты.
И, как гербарии, рассматривает зрелость
Былой весны увядшие цветы.
И ни к чему теперь ни охи и ни вздохи —
Увы, переписать былое не дано.
Судьбою нам отмерены дороги,
Что до конца пройти нам суждено.
Благослови, Господь, что было, есть и будет
В твои и двадцать лет, и в пятьдесят!
Пускай сердца и души не остудят
Ни ветры перемен, ни горести утрат!

Е. Мосягин

О любви прекрасные сонеты
Посвящали женщинам поэты.
А куда прикажете деваться,
Если романтизм
острый гвоздь
Начинал губительно вьедаться
В сердце, проболевшее
насквозь.
Пел Петрарка для своей Лауры,
Дон Кихот в честь дамы шел
на бой.
И слагали гимны трубадуры
О любви и страсти роковой.
Рыцари без страха и упрека
На турнирах с копьями в руках
Состязались храбро и жестоко
С именем любимой на устах.
Я не рыцарь, не поэт, не воин —
Гражданин обычный, рядовой,
Почестей совсем не удостоен
Не имею должности большой,

Но со мной случилась
перемена,
Странная из прочих перемен.
Мои предки дальнего колена
Переслали мне старинный ген.
Я живу надеждой и желаньем
Исполнения золотой мечты
О любви со светлым обаянием
Верности и женской чистоты.
Мне ходить не надо
на край света,
Звезд не надо с неба доставать,
Вряд ли может сумасбродство
это
Современных женщин
взволновать.
Всей душой следуя законам
Рыцарства и доблести мужской,
Я живу с таинственным
поклоном
Перед нежной женской красотой.

РАССКАЗ

В. Басова

МАКОВКА

День угасал. Последние лучи заходящего солнца освещали одинокую корову на лужайке, стадо гусей возле реки, мальчишку, прытью бежавшего по дороге. Было тихо, словно природа и все вокруг приготовилось ко сну. Нет-нет да залает вдалеке собака, но не зло, а так, для порядка, — и снова тишина.

Полина любила это время, когда все дела уже сделаны: корова подоена, поросята накормлены и довольно похрюкивают, молодой картошки накопала на ужин с малосольными огурцами. Она сидела на ступеньках крыльца и смотрела на улицу. Рыжая кошка Манька, блаженно жмурясь, терлась о хозяйский бок, ластилась и громко мурлыкала. По обе стороны дорожки, что вела к калитке, буйным цветом цвели хризантемы и поздние астры. Старая яблоня широко раскинула заскорузлые ветви через палисад. «Надо бы спилить весной, — подумалось мельком, — уж не плодородит, только место занимает». Но эта мысль тут же ушла куда-то, не успев как следует оформиться в голове, на ее место неожиданно всплыло в голове другое, — и как током по всему телу... Илья...

...Она шла к третьему уроку и, поворачивая за угол школы, увидела большую красивую машину с тонированными стеклами и блестящими колесами. Дверца бесшумно распахнулась, и она увидела его. Из тысяч, миллионов человек она бы узнала его, пройди хоть сотни лет. Он был все такой же красивый и такой же франтоватый. Он всегда любил модно и броско одеваться. Вот и сейчас на нем были шикарные светлые брюки, легкая белая сорочка распахнута, обнажает мускулистый торс и густые черные волосы на груди, толстая золотая цепочка с массивным крестом. Он легко выскочил из машины, привычным жестом мягко захлопнул дверцу. На нее пахнуло ароматом дорогих духов. Не заметив Полину, Илья скрылся в дверях сельского магазинчика...

...В классе она была самой маленькой и пухленькой. Характера тихого и робкого, часто становилась объектом мальчишеских проказ из-за своей длинной и толстой косы, за которую ее постоянно дергали, привязывали к стулу, прищипывали кнопками к соседней парте, словом, нередко доводили до слез. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы в класс не пришел Илья. Он появился в середине года, рослый, уверенный в себе, дерзкий и красивый. Его отец был крупным партийным работником, но за какие-то промахи переведенным к ним директором совхоза. Илья, привыкший к жизни в большом городе, был обижен и зол на отца за то, что приходится жить в такой дыре, оторванным от привычной обстановки и друзей. Одноклассники казались грубыми, некультурными и малообразованными. Ну о чем с ними можно было говорить, о коровах или, пардон, навозе? Кто из них знает, что такое вернисаж или, скажем, обсерватория? И надо же было отцу не согласиться с кем-то на пленуме, чтоб его послали в этот дурацкий совхоз, где нет ни музеев, ни картинной галереи, ни приличной библиотеки. Хорошо еще, что музыкальная школа есть, и математичка в классе вроде ничего, с мозгами... Он обратил внимание на Полину: она была так же одинока и все ее обижали. Ее большие светлые глаза смотрели на мир с таким доверием и преданностью, что Илья, порой, удивлялся, как она может так легко переносить издевательства одноклассников. Как ему, выросшему в других условиях, в семье с материальным достатком, в кругу таких же обеспеченных сверстников, получающих образование в лучших школах, было знать, что существует другая жизнь, полуголодная, босоногая, когда все лето с друзьями на речке или со взрослыми на сенокосе, или со старшими ребятами в ночном. Единение с природой накладывало на них свой отпечаток. Грубоватые и дерзкие с виду, в душе были добрыми, могли спасти выпавшего из гнез-

да птенца или плакать над зайчиком, попавшим под колеса комбайна. Как-то в тесном школьном буфете Полину нечаянно облил горячим чаем Вовка Климов. Она громко вскрикнула от неожиданности и отскочила в сторону. И в это время туда зашел Илья. Увидев ее расширенные от боли глаза, коршуном налетел на обидчика и громко закричал: — Еще раз обидишь Маковку, прыбь! — Маковку? — удивился Вовка услышанному имени.

Все в буфете притихли, разом посмотрели на Полину и вдруг поняли, насколько меткое имя дал Илья девочке. Она действительно похожа на маковое зернышко — маленькое и кругленькое. Это имя приклеилось к ней прочно.

Скоро все девочки были влюблены в Илью, а мальчишки признали в нем вожака. Он был умен, начитан, в споре часто одерживал верх даже над учителями, в драке был силен и беспощаден. И Полинка не просто влюбилась, она перед ним благоговела, она его боготворила. Он же, похоже, питал к ней только братские чувства: не давал в обиду, помогал по математике, ломал пополам бутерброды, но при этом не писал на уроках записок, не совал на перемене тайком сорванный на подоконнике цветок, не предлагал книг из своей библиотеки. А она мучительно страдала, ревновала к своим подружкам, плакала втихаря по ночам, но никому на свете не призналась бы в том, что любит Ильюшку.

...Полина встала со ступенек. Солнце быстро пропало за горизонтом, стало прохладно. Она подхватила на руки кошку и вошла в дом...

После десятого класса Илья легко поступил в финансово-экономический институт.

— Буду банкиром, — смеялся он. Вскоре после его отъезда уехали и его родители. Первое время Полина не находила себе места, все валилось у нее из рук, она скучала и тосковала, до мельчайших подробностей вспоминая все пять лет, проведенные в одном классе, его статную фигуру, темные, почти черные глаза, высокий лоб. Брат уехал и забыл свою сестру, ни звонка, ни строчки. Учиться Полина не поехала, у нее болела мать, осталась в родном селе лаборанткой и лишь через год поступила на исторический факультет пединститута заочно. Внешне она почти не изменилась, но теперь уже ученики за глаза ласково звали ее Маковкой, да и сельчане тоже звали ее этим именем. «Вот наградил на всю жизнь!», — порой то ли с досадой, то ли с грустью думала Полина.

Утро пришло с голольной болью и кругами под глазами от бессонницы. Полина с трудом поднялась, заглянула к матери. Та вот уже три года лежала парализованная, но была при памяти и особых хлопот не доставляла. Закончив с делами, покормив мать, она отправилась на работу. Прозвенел звонок. Дети ушли, а она все сидела, не в силах выйти на улицу. Где сейчас Илья? К кому он приезжал? Зачем?..

За десять лет после его отъезда она не видела Илью ни разу, ничего о нем не знала. Как он жил все это время? Женат? Кем работает? Она с трудом заставила себя подняться из-за стола, сняв с доски карту. Повернувшись, увидела Илью. Он стоял в дверях и радостная улыбка расстала все его лицо.

— Маковка! — он широко распахнул для объятий руки.

Она, прикрыв рот рукой, чтоб не закричать,

попыталась к окну и сильно побледнела. — Маковка! Ты не рада? Это же я... Илья... Полина смотрела на него и молчала. В душе ее бушевал огонь, противоречивые чувства боролись в ней: радость, обиды и злость смешались в ее душе и заполнили все ее существо. Не выдержав, она заплакала. Он подошел, обнял.

— Маковка! Моя Маковка! — успокаивая, он гладил ее по спине, по плечам, слегка отстранял, глядя в ее лицо, и снова прижимал к себе. — Маковка! Я так по тебе скучал... Все эти годы я мучился, чего-то хотел, добивался, ходил по головам. Я всего достиг... Но я так несчастлив! Я был дважды женат, у меня двое сыновей, но в сущности я всегда был одинок. И только недавно я понял, что мне не хватает тебя, Маковка. Что же ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь...

Она почти силой оторвалась от него, отступила к столу.

— Илья! — голос ее осекся, — где же ты был столько лет? Я так тебя ждала...

— Я здесь! Вот он я!

Полина села за учительский стол, он напротив за парту, смотрел требовательно и изучающе.

— Что ты от меня хочешь, Илья? Чтоб я заплакала от радости, захлопала в ладоши? Но я уже далеко не та девочка, которую ты оставил десять лет назад.

— Я приехал за тобой. Я тебя увезу.

Она печально покачала головой.

— Нет, Ильяш, наше время ушло. Ты привык жить в большом городе, а я деревенская, у меня корова, свиньи, больная мама. Посмотри на меня, ты можешь представить меня в своей квартире? Вот... И я не могу представить, что ты такой чистенький, в своих начищенных штиблетах пройдешь по скотному двору. Нет, Илья. Я привыкла жить без тебя.

— Деревенская! Это что, порок? Нет, деревня дает человеку основательность, учит жить в гармонии с самим собой. И я только недавно понял, что трудности деревенской жизни, простой быт закаляют человека не только физически, но больше сохраняют душу. Как тот столетний дуб за деревней, там у речки, помнишь? Он крепок, надежен и основателен, за ним, как за каменной стеной. Мне никогда не приходилось сомневаться в твоей честности и преданности, ты не подведешь в трудную минуту, не предашь. Вот и я рядом с тобой, как за каменной стеной. Все эти годы я метался, искал чего-то, а потом вдруг понял, что мучился только потому, что оставил тебя. Мне без тебя никак нельзя, мы должны быть вместе.

«Ты слишком много здесь наговорил, — думала с тоской Полина. — Но я, видно, так и не дождусь тех главных слов...»

И словно прочитав ее мысли, Илья сказал:

— Я люблю тебя, Маковка!

Полина закрыла глаза и сквозь сомкнутые ресницы просочились две крупные слезинки облепления и счастья.

Е. Бунтов

Знаю: детство возвратить —
Дело зрящее,
Но так хочется пройтись
По вчерашнему,
Как по лугу, далеко
Пробежать босым,
С лопушиных языков
Отхлебнуть росы.
Там и воздух не такой,
Ниточка — река,
Можно голою рукой
Гладить облака.
Там с рассветом на крыльцо
К солнцу выходи,
Там кудрявым сорванцом
По лесу броди.
Дождь хохочет, с неба льет,
Не считай года,
Здесь, конечно, не придет
Старость никогда.
Ах, как дышится легко,
Как душа поет!
А крыжовник под окном
Сладкий, словно мед.
Долго буду вспоминать
Все хорошее.
Хоть во сне бы повидать
Свое прошлое,
Где в веснушках, в синяках
(Не видать лица)
Тот кудрявый мальчуган
В небо щурится.

А. Вагабов

Какая ты душевная во всем,
Какая необычная, родная!
И, если вместе счастье
мы найдем,
Не пожелаю славы я и рая.

Загадка тебя делает шальной,
И, отрицая суетное рвенье,
Я не поэт, но раб твой
молодой
На вечном, окрыляющем
служенье.

И не боясь услужливым
прослыть,
Я добрую придумываю сказку.
И каждый день люблю
тебе дарить
И звездный свет,
и искреннюю ласку.

А. Радченко

ИЗВЕЧНАЯ ТЕМА

Пусть ноги исколет хивень,
И волосы в грусти повиснут,
Избитая тема — любовь,
Но стержень ее —
бескорыстье.

Как быть? — Я сама все решу!
Незнаем дров наломаю,
Безверием счастье сплунгу,
Жар-птицу за хвост
не поймаю.

Бальзам я на сердце пролью,
Добром я вам душу открою...
Извечная тема — любовь!
И каждый ее будь достоин.

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

разлуки с матерью и сестрой